

Борис ЕФИМОВ:

«Своего старшего брата Мишу Кольцова я звал Мышонком»

РПВ Москве (прил. к Комс. правде). - 1996 - 4 дек. - с. 6

Борис Ефимович Ефимов знаменит сам по себе (Сталин через редактора "Правды" Мехлиса лично давал ему темы для карикатур). Максим Горький писал предисловие к одному из его альбомов.

Но мы говорили с художником Борисом Ефимовым, одним из Кукрыниксов, о его родном брате. Точнее, о самой сильной, но губительной любви писателя, журналиста Михаила Кольцова к немецкой журналистке Марии Остен.

- Борис Ефимович, давайте коротко объясним читателю, почему у вас с братом разные фамилии...

- Я ношу фамилию отца, а Михаил взял литературный псевдоним. Во времена нашей молодости это было модно. А что? Звучная, сочная фамилия. Редкая. Лично я знаю только двух Кольцовых (кроме брата) - более-менее известных хирурга и артиста.

- Остен - тоже псевдоним?

- Да. Настоящая фамилия Марии - Грессгенер. У Миши случались летучие романы, но Мария была его последней и, как я понимаю, самой сильной любовью. Красавицей Марию не назовешь, но очень была легка, миловидна. Внешне - типичная немка: светловолосая, энергичная, точная в движениях, мыслях, словах... Друзья (Эрнст Буш, Лион Фейхтвангер, Мальро) видели в ней настоящую бюргершу, а Мария молча страдала и мечтала об одном - нарожать кучу детей.

- Тогда это была немка с сердцем русской женщины...

- Пожалуй. Она признавалась Кольцову: "Иметь одного ребенка - радость, а семерых детей - великое счастье".

- И сам Кольцов любил детей. Но почему же их у него не было?

- Не могу объяснить. Возможностей для этого у него было немало. Значит, не судьба. Да и к лучшему, как оказалось. А то и дети бы пострадали... Я своего любимого сына назвал в честь брата - Мишей.

- Как познакомились Мария и Михаил?

- Летом 1932 года Кольцов поехал в командировку в Германию. В переводчицы к нему назначили Марию Грессгенер. Кольцов и сам знал немецкий, но беседовать, например, с шахтерами Рура на витиевато-литературном немецком, согласитесь, выпендренно. Да и у молодежи свой сленг, а к ней ключик нужен.

Словом, без переводчицы в этом путешествии было не обойтись.

Кольцов стоял в компании певца и поэта Эрнста Буша и писателя Людвиг Ренна, когда к ним стремительно подошла Мария. Она на ходу чмокнула в щеку Буша, хлопнула по плечу Ренна, сухо кивнула Кольцову. И со словами "Извините, друзья, опаздываю к Кольцову", поспешила в здание компартии Германии. Ренн пристыдил ее: "Придется извиниться перед гостем дважды: во-первых, опоздала на минуту, во-вторых, не узнала..."

Поразительно: как только Мария пришла в себя от оплошности перед великим журналистом, и она, и Кольцов неожиданно для самих себя (как признались потом оба) взялись за руки и, как дети, шли по аллее впереди Буша и Ренна.

- Любовь с первого взгляда?

- А вы, молодой человек, не верите в такую любовь?

- Очень даже верю...

- То-то же! Месяц путешествия пролетел, как миг. В конце поездки Мария

пригласила Кольцова к погуге в Баварию, на богатую ферму. Два дня они были счастливы. Кольцов решил забрать Марию в Москву, выхлопотал ей место собственного корреспондента немецкой газеты "Дойче Центральштунг".

Спустя много лет в архивах КГБ я нашел донесение. "СЕКРЕТНО. Нач-ку отдела, лично. Как уже ранее сообщал Зет, объект "Чиби", после поездки в Рур, на двое суток выходил из-под наблюдения. Согласно предварительным данным, находился в Баварии, в пока еще не установленном месте, вместе с объектом "Блондинка". "Чиби" согласовал с ЦК КПГ устройство "Блондинки" на работу в "Жургаз". 18 августа оба выехали в двухместном купе международного вагона экспрессом Берлин - Москва. Местопребывание "Чиби" и "Блондинки" с 11-го по 13 августа выясняется. Рослый".

- Уже тогда Кольцова "пасли"... Из-за дел "сердечных"?

- Следили за всеми, кто пересекал границу, а уж тут - тем более: Кольцов был уже очень популярен.

- Сложился классический треугольник, один угол в котором, как правило, лишний...

- Да, Михаил очень переживал, нервничал. Ему приходилось разрываться между женой Елизаветой Николаевной Кольцовой-Ротмановой-Пестель и Марией Грессгенер-Остен. Как-то в Париже возникла даже пикантная ситуация, когда обедающих в ресторане отеля Михаила и Марию застала Елизавета Николаевна. Мария извинилась, и, сославшись на дела, вышла из-за стола.

- Борис Ефимович, можно утверждать, что Мария стала первопричиной ареста и смерти Михаила Кольцова?

- Сталин нашел бы причину и без Марии. Кольцов, думаю, был обречен. Уж больно он был популярен и приток. А приток, самостоятельность мыслящих людей Хозяин не любил.

Кольцов рассказывал мне о последней встрече со Сталиным. Миша докладывал о поездке в Испанию, об интербригадах. Беседа длилась три часа и в конце ее Сталин стал вести себя странно - ерничал, гримасничал, называл Михаила на испанский манер Мигуэлем... А когда Кольцов уходил, остановил его в дверях и, прищурившись, спросил: "У вас есть пистолет?" Кольцов ответил, что

есть. "А вы не думали из него застрелиться?". "Нет, - ответил Кольцов. - Не думал". "Вот и хорошо", - закончил разговор Хозяин.

Мы с Мишей всю ночь анализировали этот черный сталинский юмор. Утром Кольцову позвонил Клим Ворошилов, который присутствовал при беседе в Кремле. Успокоил: "Михаил Ефимович, вас любят и ценят". Но Миша был человеком сверхнаблюдательным, с очень развитой интуицией. Он сказал мне: "В глазах Хозяина я прочитал: больно приток!"

Как я сейчас понимаю, Сталин намекал Кольцову на самоубийство. Предлагал "почетную смерть": мол, придумаем красивую версию самоубийства, уйдешь из жизни героем, а не врагом народа...

- В конце концов Кольцова обвинили в связи с немецкой шпионкой...

- Удобно и надежно. Мария Остен прочла об аресте Кольцова в газетах, в Париже. Немедленно собралась в Москву. Ее отговаривали Фейхтвангер, Бредель, Мальро... Убеждали, что Марию схватят прямо на вокзале. Бесплезно! Это была любящая немка с сердцем русской женщины. Самым фактом своего появления в Москве, приходом на Лубянку Мария хотела подчеркнуть абсурдность обвинения Кольцова. Наивная! Расстреляли и Михаила, и Марию.

- Борис Ефимович, признайтесь, вам было страшно за себя?

- За себя я даже не волновался. Я был уверен, что лет десять уж точно отсижу. Размышлял так: сяду, оттяну "червонец", выйду - мне будет почти пятьдесят. Не беда! Все впереди. Страшно было за сына Мишу (его отдали бы в детдом). Страшно было за первую мою жену, с которой мы оставались большими друзьями. И за вторую мою семью мне было страшно. Не зря Сталина называли Хозяином - он в своем хозяйстве каждому винтику знал назначение - карикатурист Ефимов ему, очевидно, был нужен. Когда ему принесли мое "Дело", он сказал коротко: "Не трогать!"

"Врагом народа" меня считали 17 лет. Полтора года я был лишен работы. Но не тронули близких... И на том спасибо.

- Борис Ефимович, вы родились в Киеве, но всю жизнь прожили в Москве. И сейчас живете на набережной земляка - Тараса Шевченко...

- Понимаю, куда вы клоните, молодой человек. Люблю и Москву, и Киев (в котором, правда, давно не был). Можно разделить Черноморский флот, но как разделить Гоголя? Можно разделить энергоресурсы, но как разделить оборону Севастополя? Можно разделить футбольные чемпионаты, но как разделить того же Тараса Шевченко?

Вы мне сможете ответить на этот вопрос?

Сергей РЫКОВ.

Фото Юрия РИДЯКИНА.